

П.М. Янсон

Научно-литературный сборник «Будущности»

Том 3. — 1902

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П11

П11 **П.М. Янсон**
Научно-литературный сборник «Будущности»: Том 3. — 1902 / П.М. Янсон — М.: Книга по Требованию, 2014. — 324 с.
ISBN 978-5-518-05545-2

Приложение к еженедельному изданию, выход. под редакцией С. О. Груzenberga.

ISBN 978-5-518-05545-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Религія и политика въ исторіи древнихъ евреевъ.

Очеркъ второй.

I.

Въ первомъ нашемъ очеркѣ подъ этимъ же заглавиемъ мы рассматривали взаимное отношение религиозного начала и политического въ древнѣйшей исторіи еврейского народа, въ періодъ царей и пророковъ. При этомъ выяснилось, что именно въ антагонизмѣ этихъ двухъ началъ и кроется источникъ политического безсилія, проявленного еврейскимъ народомъ уже въ самомъ началѣ его исторической жизни. Мы видѣли, что для древнихъ народовъ вообще политеизмъ былъ не только религиозной, но и политической системой: союзы боговъ соединяли поклоняющіе имъ роды въ племена, а племена въ могущественные государства. Тенденція парней и вельможъ израильскихъ къ многобожію объясняется, такимъ образомъ, чисто политическими соображеніями: они стремились увеличивать ростъ и могущество своего народа насчетъ окрестныхъ родственныхъ племенъ. Но этому стремленію всегда противодѣйствовали пророки, какъ представители этическаго монотеизма, который по самой сущности своей неспособенъ ни на союзы, ни на компромиссы. Содѣйствуя сцепленію составныхъ частей народа внутри его, монотеизмъ въ то же время изолировалъ его отъ внѣпіиныхъ элементовъ. Правда, конечная цѣль этическаго монотеизма—стать достояніемъ всего человѣческаго рода, въ виду этой конечной цѣли непосредственное присоединеніе того или другого племени къ народу израильскому должно было быть только желательнымъ. Мы видѣли, что это и на самомъ дѣлѣ было завѣтной мечтой всѣхъ пророковъ; но пророки отодвигали осуществленіе этой мечты въ даль вѣковъ, «къ концу днѣй» (*בָּאַהֲרִית הַיּוֹם*), т. е. къ тому времени, когда народъ израильскій будетъ наотолько проникнутъ своеї язі-

ональной религіей, что прибавъ виѣшнихъ элементовъ не будетъ больше угрожать его національной индивидуальности, которой пророки всегда дорожили.

Мы видѣли дальше, что неспособность къ сильной политической организаціи была, правда, главной, но далеко не единственной причиной паденія еврейскихъ царств.—сначала съвернаго, а потомъ и южнаго. Ближайшей причиной катастрофъ было роковое географическое положеніе занимаемой еврейскимъ народомъ земли — на перекрестьѣ сильныхъ за-воевательныхъ теченій. Несмотря на постоянную внутреннюю борьбу, политическая жизнь народа прервалась не отъ переутомленія, не отъ постепенного истощенія его духовныхъ силъ, а внезапно, отъ внѣшнаго насилия, среди полнаго расцвѣта его національного творчества. Это обстоятельство имѣло весьма важное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Это дало ему возможность развивать дальше свои творческія силы и виѣ обычныхъ политическихъ условій.

Въ первомъ очеркѣ я позволилъ себѣ сравнить актъ разрушенія іудейского царства съ тяжелой, кровавой, но спасительной операцией. Какъ ни странно подобное сравненіе, но несомнѣнно, что это величайшее изъ постигшихъ еврейскій народъ бѣствій имѣло весьма спасительныя для него послѣдствія. Это дѣйствительно была кровавая операциѣ, посредствомъ которой народное тѣло разомъ освободилось отъ трехъ злокачественныхъ наростовъ, долго отравлявшихъ его жизненные соки.

Этическому монотеизму пророковъ приходилось въ сущности бороться противъ трехъ враждебныхъ ему элементовъ, составлявшихъ какъ-бы тройственный противъ него союзъ. Ему приходилось бороться противъ политеистической политики царей, противъ своекорыстнаго аристократизма вельможъ и противъ полуязыческаго жертвеннаго культа жрецовъ. Всѣ эти три элемента были одинаково несовмѣстимы съ этическимъ монотеизмомъ, но борьба противъ послѣднаго элемента была особенно трудна, такъ какъ неразвитая масса, хотя видѣла въ пророкахъ своихъ друзей и защитниковъ отъ поработившей ее аристократіи, врядъ ли, однажды, сочувствовала имъ въ ихъ нападкахъ на унаслѣдованный кульпъ въ національномъ святилищѣ. Изгнаніе изъ родной земли не только вернуло народу его исконный демократизмъ, не только положило

конецъ заигрыванію царей съ язычествомъ, но устранило также, по крайней мѣрѣ на время, ту форму богослуженія, которая всегда была незыносима для людей съ болѣе развитымъ, болѣе тонкимъ религіознымъ чувствомъ.

Но кромѣ устраненія отрицательныхъ явленій изъ народной жизни изгнаніе дало еврейству еще цѣлый рядъ положительныхъ благъ, подробному выясненію которыхъ посвященъ былъ другой мой очеркъ подъ заглавіемъ «Вавилонское плененіе» *). Во-первыхъ, съ упраздненіемъ царской политики религія, въ лицѣ пророковъ, приняла на себя роль послѣдней въ смыслѣ заботы о вышешнемъ ростѣ народа, и надо признать, что религія исполнила тогда эту роль съ гораздо большими успѣхами, чѣмъ ея бывшая соперница. И на родинѣ Іуда и Израиль не переставали чувствовать себя единымъ народомъ, но фактическіе разочеты царей, а съ другой стороны недовѣріе пророковъ къ политикѣ послѣднихъ. Въ изгнаніи эти препятствія были устранины, и оба братскихъ народа, встрѣтившись на чужбинѣ, подали другъ другу руку и слились воедино. Сами названія „Іуда“ и „Израиль“, которые у древнихъ пророковъ и лѣтописцевъ упоминались рядомъ всегда, какъ нечто противоположное, какъ нечто враждебное другъ другу,—эти названія превратились мало-по-малу въ синонимы, и каждый изъ этихъ двухъ народовъ сталъ съ гордостью носить имя своего бывшаго врага. Въ свое время мы указали на важную въ этомъ отношеніи заслугу пророка Гезекіила, хотя для этой благой цѣли несомнѣнно работали и всѣ остальные пророки изгнанія.

Во-вторыхъ, прямымъ послѣдствіемъ возстановленія народнаго единства была интеграція общихъ историческихъ воспоминаній народа и его древяаго законодательства. Что расщепленному народу больно вспоминать то время, когда онъ состоявлялъ одно цѣлое съ теперешнимъ его врагомъ—это психологически вполнѣ естественно; но несомнѣнно также, что Моисеево законодательство въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ нашихъ рукахъ теперь, не могло находить пріюта ни въ іудейскомъ, ни въ израильскомъ царствѣ, такъ какъ во всей своей цѣлости оно не соотвѣтствовало сепаративнымъ интересамъ каждого изъ нихъ. То, что признавалось

*) См. «Будущность», 1902, № 13.

божественнымъ откровеніемъ одной частью народа, служило постояннымъ живымъ укоромъ для другой и, конечно, не признавалось ею. Только послѣ примиренія сторонъ явилась возможность взаимного обмена накопленныхъ духовныхъ богатствъ и историческихъ воспоминаній, ставшихъ теперь одинаково дорогими для обѣихъ сторонъ. Популяризацией Торы съ ея строгой этикой не могла не повлиять на поднятіе уровня народной нравственности, а литературная обработка народныхъ предавій укрепила национальное самосознаніе и вдохновила псалмопѣвцовъ и пророковъ, лучшимъ представителемъ которыхъ былъ великий «Анонимъ». Общий тонъ псалмовъ и пророчествъ того времени — тоска по оставленной родинѣ и надежда на скорое возвращеніе къ ней; но эти естественные и для всякаго другого народа чувства пророки сумѣли оказать съ возвышенными общечеловѣческими идеалами и, предназначая свой народъ къ роли «свѣточа для народовъ» въ будущемъ, будили въ его сердцѣ чувства благородной гордости, обнадѣгающей его стать достойнымъ этой роли.

Въ третьихъ, приподняться настроеніе изгнанниковъ и нравственная подкладка этого ихъ настроенія не могли не производить известного обаянія на ихъ языческихъ сосѣдей, что выразилось замѣтнымъ тяготѣніемъ послѣднихъ къ еврейству. Переходъ многихъ ассирио-авилонскихъ язычниковъ въ еврейство доказывается несомнѣвными фактами; при приоущей язычеству вообще терпимости это и не должно было встрѣчать сопротивленія ни со стороны вавилонскихъ властей, ни со стороны представителей многочисленныхъ языческихъ культовъ. Для нихъ Іегова былъ не худшимъ богомъ, чѣмъ всѣ остальные боги, дружно уживающіеся другъ съ другомъ. Они вѣроятно и не догадались, что Іегова тѣмъ и отличается, что онъ совершенно отрицаетъ всѣ прочія божества. Но пророкамъ это тяготѣніе язычниковъ къ еврейству казалось весьма знаменательнымъ; оно окрыляло ихъ мечты, оно говорило имъ, что то, что прежними пророками отодвигалось «къ концу дней» весьма близко къ осуществленію, что для полнаго торжества монотеизма нужно только еврейскому народу занять почетное мѣсто въ средѣ народовъ, быть свободнымъ народомъ на свободной землѣ своихъ предковъ. Прежніе противники политики, пророки, во имя дорогого ихъ сердцу религіозного начала, сами стали стремиться къ политической независимости.

И эта последняя цель также казалась теперь достижимой. Медленно, но победоносно приближается великий завоеватель востока, Кирь, къ стѣнамъ Вавилона, даря царствамъ и народамъ свободу, хотя и неполную. Великодушный въ сознаніи своего могущества завоеватель — неужели не вернетъ онъ изгнанникамъ ихъ осиротѣлой родины? А если вернетъ, то кто знаетъ, что скрыто въ нѣдрахъ будущаго?

И эта надежда действительно вскорѣ осуществилась, хотя въ размѣрахъ, далеко не соответствовавшихъ ожиданіямъ „печальниковъ Сиона“.

II.

Уже въ первый годъ послѣ завоеванія Вавилона (въ 537 г.) Кирь «повелѣлъ объявить по всему царству своему словесно и письменно слѣдующее: Такъ говоритъ Кирь, царь персидскій, всѣ царства земли отдалъ мнѣ Іегова, Богъ небесный и Онъ возложилъ на меня построить Ему Храмъ въ Іерусалимъ, что въ Іудеѣ. И такъ, кто среди васъ изъ народа его, да будетъ съ нимъ Богъ его, и пусть идетъ онъ въ Іерусалимъ, что въ Іудеѣ и строить домъ Іеговы, Бога Израиля, того самаго Бога, что въ Іерусалимѣ»¹⁾.

Въ этомъ текстѣ воззванія, приведенномъ поздѣйшимъ лѣтописцемъ, иѣкоторое сомнѣніе можетъ возбудить лишь то, что Кирь, послѣдователь религіи Заратустры, называетъ Бога небеснаго Іегової, вмѣсто Аура-мазда. Обшій тонъ воззванія, однако, исторически правдоподобенъ, и вполнѣ напоминаетъ собою стиль надписей на памятникахъ персидской древности. Еще съ большей реальностью выступаетъ благоволеніе Кира въ одномъ, приведенномъ тѣмъ-же лѣтописцемъ документѣ, найденномъ впослѣдствіи въ царскомъ архивѣ въ Экбатанѣ. Изъ этого документа видно, что Кирь не только разрѣшилъ евреямъ строить храмъ, но отнесъ расходы по постройкѣ его на счетъ царской казны, причемъ предписалъ вернуть въ этотъ храмъ всю золотую и серебряную утварь, которая вывезена была иѣкогда Навуходоносоромъ изъ древняго іерусалимскаго храма.

На великодушный призывъ Кира отозвались слишкомъ 42 тысячи изгнанниковъ іудейскаго царства и южныхъ окраинъ

¹⁾ Ezra. I, 1-3.

десатиколѣнаго царства¹). Подъ предводительствомъ отпрыска дома Давида, Зоровавела и первосвященника Іошуа эмигранты, число которыхъ вмѣстѣ съ рабами и рабынями доходило до 50,000 лушъ, переселились въ Іерусалимъ и его окрестности и положили, такимъ образомъ, основаніе будущему возрожденію Іудеи.

Безпримѣрный въ исторіи фактъ. Дерево, срѣзанное съ корня, вновь къ нему прививается, и продолжаетъ жить и развиваться.

Рассмотримъ, однако, историческій характеръ этого событія, получившаго столь великое значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ еврейскаго народа. Какіе мотивы побудили Кира къ этому великодушному шагу, изъ какихъ элементовъ набрался контингентъ переселенцевъ и какими стремленіями были воодушевлены эти послѣдніе?

Въ то время вся передняя Азія была уже въ рукахъ персидскаго завоевателя. Для того, чтобы навсегда укрѣпить за собою свои завоеванія, ему оставалось только завладѣть Египтомъ, этимъ исконнымъ соперникомъ всѣхъ восточныхъ монархій. Проф. Д. Хвольсонъ въ своей прекрасной работе «О влияніи географического положенія Палестинѣ на судьбы еврейскаго народа»²) выяснилъ важную роль гористой Іудеи въ соперничествѣ восточныхъ монархій съ Египтомъ. Кто владѣлъ этой маленькой страной, тотъ въ данное время былъ господиномъ политического положенія. Киръ владѣлъ уже Іудеей, но почти безлюдная страна съ необработанными полями была плохимъ базисомъ для военныхъ дѣйствій противъ

¹) Ezra II, 26, 28 и Nehemiah VII 30, 32. Въ этихъ двухъ мѣстахъ приводится поименный списокъ родовъ съ обозначеніемъ воалѣ каждого изъ нихъ числа членовъ его, вернувшихся на родину, а затѣмъ дается общій итогъ всѣхъ вернувшихся—42,960 человѣкъ. При проверкѣ, однако же, оказывается, что данный итогъ превышаетъ дѣйствительную сумму на 13,540 (по списку Ездры) или на 11,271 (по списку Нееміи). Stade объясняетъ это недочетъ въ 13 или 11 тысячъ тѣмъ, что въ родовыхъ спискахъ значатся только мужчины, а въ итогѣ входятъ также женщины и дѣти. Незначительное, сравнительно, число женщинъ въ группѣ вполнѣ естественно и представляетъ обычное явленіе во всѣхъ эмиграціонныхъ движеніяхъ. Если предположеніе Stade вѣрно, то оно объяснило бы также тотъ фактъ, почему евреи въ Палестинѣ позволяли себѣ смѣшанные браки, хотя избѣгали ихъ въ Вавилоніи.

²) Научно-Литер. Сборникъ «Будущности» за 1901 годъ.

Египта. Для Кира, стало быть, было весьма выгодно иметь въ Палестинѣ благодарное и, следовательно, преданное ему населеніе, притомъ населеніе земледѣльческое, которое могло бы доставлять провиантъ для его войска. Тутъ собственно никакого особеннаго великодушія со стороны Кира не было. Оно не дарило переселенцамъ никакой свободы. Возвращеніе евреевъ въ Палестину было—не вынужденная эмиграція, а внутренняя. Они были подданными Персіи, и остались ими, перемѣнивъ лишь свое мѣстожительство въ предѣлахъ того-же персидскаго царства.

При томъ общій характеръ первой колоніи переселенцевъ былъ таковъ, что не могъ внушить Киру никакого опасенія, что они втайну пытаютъ какіе-нибудь политическіе замыслы. Всё движеніе имѣло характеръ чисто религіозный, и именно въ смыслѣ возстановленія храмового культа, и другого характера оно не могло имѣть. Въ упомянутомъ уже подлинномъ приказѣ Кира, найденномъ въ архивахъ Экбатаны, точно установлены планы и скромные размѣры предполагаемаго храма, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ не могъ служить твердыней для евреевъ въ случаѣ, если-бы они задумали отпасть отъ Персіи. Затѣмъ жреческія тенденціи первой колоніи эмигрантовъ выразились между прочимъ и значительнымъ преобладаніемъ священническаго элемента среди нихъ (на 42,360 душъ было 4,289 свящ., слѣдов., больше 10%). Между тѣмъ какъ изъ левитовъ, въ родѣ которыхъ псаломнѣчество составляло какъ-бы наследственное достояніе, присоединилось къ первой группѣ эмигрантовъ поразительно мало: всего 241 человѣкъ, т. е. около $1\frac{1}{2}\%$ несмотря на то, что жрецы аарониды составляли только незначительную часть всего колѣна левитовъ.

Это загадочное обстоятельство наводитъ на мысль, что далеко не весь лучшіе элементы вавилонскаго еврейства присоединились къ эмигрантамъ, и что левиты и пророки, которые такъ долго и такъ пламенно лелеяли мечту о возвращеніи на родину, относились крайне сдержанно къ событию, которое ознаменовало собою осуществленіе ихъ мечты. Можетъ быть, что причина этой сдержанности коренилась въ несоответствии будной дѣйствительности тому фантастическому идеалу, который они создали себѣ о будущемъ величіи Израиля. Имѣло улыбалась предстоящая зависимость отъ персовъ, кото-

рой они раньше и не ожидали. Но можетъ быть также и то, что имъ не по душѣ была та жреческая окраска, которую пришло это народное движение, тѣмъ болѣе, что представителемъ жреческаго элемента былъ первосвященникъ Іешуа, который не могъ гордиться безупречнымъ прошлымъ¹⁾.

Обыкновенно представляютъ себѣ, что вернулись въ Палестину именно лучшіе элементы еврейскаго народа, вѣтъ тѣ, которые воодушевлены были національной идеей, и что всѣ оставшиеся въ Вавилоніи были люди, совершенно равнодушные къ существованію еврейскаго народа, люди, которыхъ мы теперь называли бы ассимиляторами. Но это представление совершенно невѣраое. Мы скоро увидимъ, въ какомъ плачевномъ состояніи въ національномъ смыслѣ нашли Ездра, а впослѣдствіи и Неемія еврейскую колонію въ Палестинѣ. Съ другой стороны отъ самого Ездра, который во всякомъ случаѣ былъ настоящимъ и единственнымъ творцомъ исторического іудаизма, вѣдь былъ не кто иной, какъ дитя вавилонского еврейства. Можно обвинять его въ излишнемъ ригоризмѣ, но оспаривать его великія заслуги предъ народомъ нельзя. Изъ вавилонского же еврейства вышли многіе главы Іерусалимскаго Синедріона, напр., Шемая, Абталіонъ, сыны Бетеры, наконецъ, самъ великій Гильель, великій не только своей нравственной личностью, но и тѣмъ, что онъ, давъ теоретическое обоснованіе фарисеизму, сообщилъ еврейству способность непрерывнаго обновленія и аккомодациіи ко всякимъ историческимъ условіямъ.

Можно, мнѣ кажется, сказать безъ преувеличенія, что съ тѣхъ поръ, какъ умолкли голоса пророковъ, дальнѣйшее развитіе іудаизма, хорошо ли оно было или дурно — не объ этомъ теперь рѣчь,—происходило на счетъ тѣхъ соковъ, которые доставлялись вавилонскимъ еврействомъ. Да это и понятно. Палестинскому еврейству, вѣчно раздираемому то

¹⁾ Пророкъ Захарія, который, впрочемъ, относится съ явнымъ сочувствіемъ къ первосвященнику Іошуѣ, въ одвомъ символическомъ видѣніи изображаетъ послѣдняго одѣтымъ въ испачканое грязью облаченіе, а по правую руку его пророкъ видѣтъ сатану, который произноситъ обвинительную противъ него рѣчь. Но ангелъ, защитникъ заставляетъ сатану молчать, и, приказавъ окружающимъ снять съ первосвященника его испачканое облаченіе, говорить ему: „Смотри, я снялъ съ тебя грѣхи твои“ (Zacharia III 1—5).

внѣшними войнами, то внутренними междуусобіями, недосугъ было думать о развитіи и теоретическомъ обоснованіи элементъ своей національной культуры.

III.

Первымъ дѣломъ вернувшихся изъ плѣненія послѣ возвращенія ихъ въ Іерусалимъ и его окрестностяхъ—было возведеніе алтаря и установлѣніе правильнаго жертвеннаго культа¹⁾). Другихъ общенародныхъ интересовъ переселенцы не могли обнаруживать, хотя бы и сознавали ихъ въ глубинѣ души. Вѣдь только для храмового культа и давно было имъ разрѣшеніе вернуться на родину. Есть даже нѣкоторое основаніе думать, что переоеденцы только потому такъ поспѣшили съ установлениемъ культа, что опасались подозрительности персидскихъ намѣтниковъ, зорко слѣдившихъ за переселенцами, не питають ли они какихъ-нибудь политическихъ замысловъ²⁾). Вслѣдъ за тѣмъ приступлено было къ заготовленію строительныхъ матеріаловъ для сооруженія храма «согласно разрѣшенню Кира, царя персидскаго», а годъ спустя отпраздновали закладку храма съ большой торжественностью и умиленіемъ. Вдовица—Сіонъ,бросивъ съ себя траурное облаченіе, готовилась къ радостной, но скромной жизни со вновь обручившимся съ нею Израилемъ, и отголоски тихаго и скромнаго свадебнаго торжества дошли и до насъ въ видѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ псалмовъ, носившихъ название «пѣсней восхожденія». (שיר המעלות)

Но медовый мѣсяцъ дщери Сіона, увы, длился недолго. Первое столкновеніе съ прежними обитателями страны не сулило спокойнаго сожительства въ будущемъ. И хотя возникшія тревы были, по моему мнѣнію, вскорѣ улажены, но вызванное ими взаимное недовѣріе перешло впослѣдствіи въ открытую и упорную вражду, имѣвшую весьма гибельныя

1) Освященіе алтаря выпало на первый день седьмого мѣсяца, названный также «днемъ воспоминанія» (יום זיכר). Не въ память ли этого события стали потомъ праздновать этотъ день какъ начало года?

2) «И воодвили они жертвенникъ на устояхъ его, ибо они были въ страхѣ отъ иноzemныхъ народовъ, и стали воносить на немъ всесожженія Господу» (Езра III, 3). Мотивировка сооруженія жертвенника страхомъ отъ иноzemныхъ народовъ съ первого взгляда кажется сонершено непонятной.

послѣдовія для обѣихъ сторонъ. Во имя исторической правды надо признать, что справедливость далеко не всегда была на сторонѣ вновь пришедшихъ.

Первая группа вернувшихся подворилась, какъ было уже сказано, въ городахъ бывшей Іудеи и кжнаго края десяти-колѣннаго царства и смыщалась тамъ съ старымъ, еврейскимъ населеніемъ, оставшимся въ странѣ послѣ изгнанія лучшей части народа и стоявшимъ въ культурномъ отношеніи навесыма низкой ступени развитія. Средняя же Палестина съ городами Си-хемомъ и Самаріей занята была населеніемъ, исповѣдовавшимъ вѣру въ Іегову и состоявшимъ главнымъ образомъ изъ оставшихся въ странѣ ефраимитовъ съ нѣкоторой примѣсью се-митскаго племени кутеевъ, переселенныхъ сюда ассирийскими царями изъ Элама. Еще до паденія Іерусалима царь Осіа, уничтоживъ всѣ остатки идолопоклонства въ Самаріи и во-обще во всей сѣверной Палестинѣ, присоединилъ все населеніе, по крайней мѣрѣ въ религиозномъ отношеніи, къ Іудеѣ¹). По сообщенію же книги «Хроникъ», еще раньше этого царь Езекія разославъ гонцовъ съ письмами во всѣ города бывшаго десятиколѣннаго царства, приглашая жителей принять участіе въ пасхальномъ паломничествѣ въ Іерусалимъ; и на это приглашеніе отозвались многіе изъ колѣнъ Ефраима, Манассіи, Асира и друг., равно какъ и *поселившіеся между по-следними иноземціи*²). Привязанность жителей этой страны къ іерусалимскому храму видна также изъ рассказа Іереміи о восьмидесяти мужахъ изъ *Сіхема, Сілома и Самаріи*, ко-торые, послѣ разрушенія Іерусалима, въ траурномъ облаче-ніи и съ дарами для алтаря въ рукахъ совершили паломниче-ство въ храмъ Іеговы³). Естественно, что, когда въ Іерусалимѣ приступили къ возстановленію общенароднаго храма, бли-жайшіе къ іудеямъ ефраимиты, или, какъ принято ихъ съ тѣхъ поръ называть, самаритяне также захотѣли принять участіе въ постройкѣ храма, и обратились съ просьбой объ этомъ къ представителямъ Іудеи. Зоровавель, Іошуа и вѣ-прочие родоначальники израильскіе на это отвѣтили: «Нѣ вамъ вмѣсть съ нами строить домъ нашему Богу. Лишь мы одни

¹⁾ II Regum XXIII, 15, 19; II Chronic XXXIV, 6. 7.

²⁾ II Chronic XXX, 1, 5, 10, 11, 18, 25. XXXI, 1.

³⁾ Іеремія XLI, 5.